

Известия. — 1999. — 4 июня. — С. 7

Как денди лондонский одет

Пушкинские жилеты были хуже парфеновских

ОЛЕГ КОРОЛЕВ

Леонид Парфенов на тропе вечности

Алексей ФИЛИППОВ

И все-таки он очень стильный. Это о Леониде Парфенове — так несколько лет тому назад о нем отозвалась одна критикесса, сетовавшая на то, что все заговорившиеся в конце восьмидесятых — начале девяностых годов телевизионные звезды потускнели, выдохлись, надоели. Ох уж эти предательские двойные подбородки, апоплексические загрибки и непристойно дорогие пиджаки! Ах уж эта непоколебимая, никаким дефолтом не пробиваемая сытость — узок круг мэтров нашего телевидения, страшно далеко они от тех, кто живет от зарплаты до зарплаты.

А Парфенов работал вне гражданской позы — во всем, что он делал, отражалась московская артистическая, полубогемно-полусветская тусовка. Парфеновское «Намедни» отразило суть и соль этого явления: именно в нем складывалась эстетика легкого, занятого, ни к чему не обязывающего стеба. Пара верных наблюдений, шутка, аналогия, а затем передача переходит к новой теме, и мы начинаем понимать, что пиджак ведущего так же дорог культуре, как и выставка, о которой пойдет речь. В этом был свой смысл: советская власть прошла, а совок остался; никакого света и в помине не было — но Парфенов породил светскую тележурналистику.

Что и говорить — он был очень стильным.

Годы шли, ведущий рос. Он стал большим начальником, потом перестал им быть, плавно занял нишу главного культуролога НТВ. Его проекты отличались эпическим размахом: он снимал сериалы о сериалах — история фильма, портрет времени, Парфенов на фоне Жеглова и Штирлица... Разминуться с пушкинским юбилеем Леонид Парфенов просто не мог.

И все-таки он очень талантливый — ощущение бытовой плоти времени, всего того, в чем жил Александр Сергеевич, в фильме «Живой Пушкин» передано замечательно точно. Помогает искренняя любовь его создателя к хорошему и дорогим вещам: в пушкинском кармане лежал брегет, и почти такой же брегет тикает на ладони у Парфенова («то же ощущение неброской роскоши»); фрак и баливар на ведущем тоже смотрятся отлично. Много лет подряд он лепил на телеэкране образ светского человека — усилия не пропади даром, он им стал, и абсолютно органично вошел в мир и круг Пушкина. Юбиляр находится где-то за кадром (странное создание с бакенбардами, иллюстрирующее парфеновские пассажи, разумеется, не в счет). Главным героем ленты стал ведущий — человек, встречавшийся с Пушкиным в обществе, рассказывает о том, что знает только он.

Возникающее в результате отражение вполне адекватно зерка-

лу. Добрый и талантливый малый из хорошей семьи — много интересных подробностей, занятных деталей, видов Африки и Европы. Все четко выстроено, связно, логично, интересно, но личность героя как-то странно измельчала.

То ли Парфенов оборачивается Пушкиным, то ли Пушкин становится Парфеновым — эффект в результате возникает почти такой же, как и в великой ленте нашего времени — фильме «Влюбленный Шекспир». Все сделано с абсолютным знанием времени и эпохи, а история в результате получилась вполне голливудская — в шекспировских интерьерах живут современные люди. Парфенов выдерживает жанр, он знает, на что должна клюнуть публика. Лотман отдыхает: это не историческая реконструкция, а «стори», занимательная история об известном человеке — и крайности, которые могут шокировать зрителя, разумеется, сглажены.

Он был совершенно неистовым: ходил в бордели, приставал к дамам в каретах, однажды чуть не прибил собственного отца — и при этом оставался гением. Сейчас о нем рассказывает благовоспитанный, отлично одетый и благоразумный член английского клуба, который не хочет задеть нравственность, начальство и родных покойного... Быть может, в последней серии это обернется чем-то другим? В таком случае Леонид Парфенов скажет что-то новое — и о Пушкине, и о себе.